

Опубликованный недавно сборник поздней прозы Самуэля Беккета раскрывает перед читателями существенное изменение художественного направления писателя — изменение, принятое далеко не всеми критиками, изменение, ставшее причиной отчуждения и даже раздражения некоторых его поклонников.

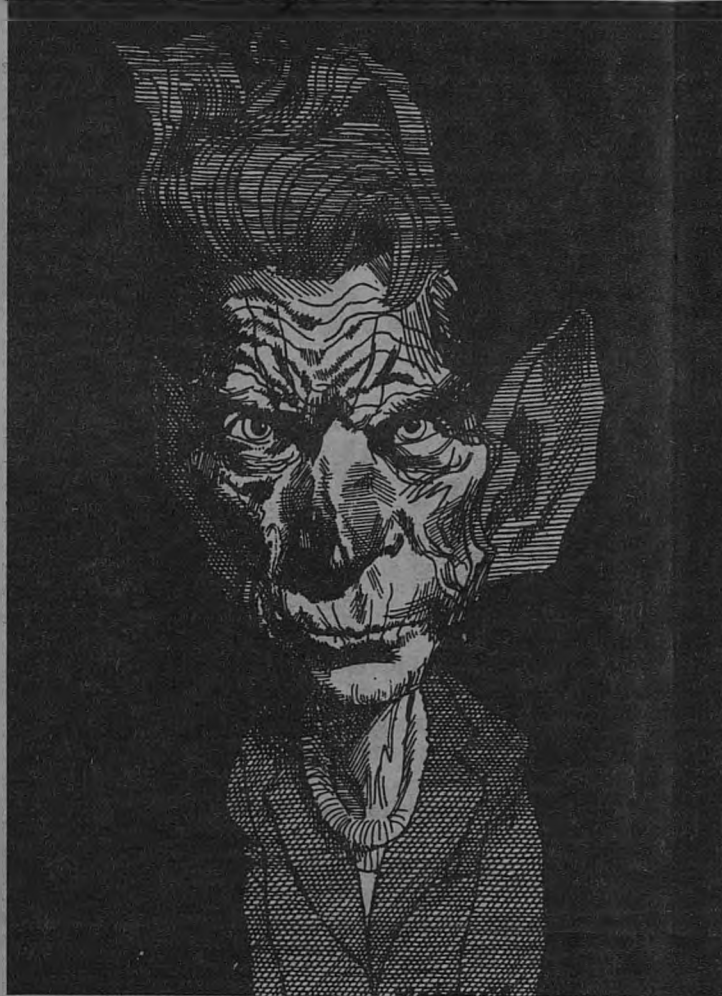
Творчество Беккета было борьбой с языком и борьбой против языка. Как пишет Хиллз, «от начала до конца произведения Беккета ведут к одному финалу — исчезновению языка. Язык, однако, не исчезает никогда». После знаменитой трилогии Беккета — «Моллой», «Мэлоун умирает» и «Неназванное» (1951—1953) и последней «полнометражной» работы «Как это есть» (1961) тексты Беккета становятся короче и короче, словно стремясь к эффекту «чистой белой бумаги»; пример — его труды «Воображение погибшего воображения» (1966) и «Все странное — прочь» (1976).

«...Представьте себе Свет. У него нет источника, он не светит прямо в лицо, он растекается вокруг вас; нет и теней, все шесть плоскостей освещены одинаково, медленно, десять секунд до полной земли...»

Усилия художника, его концентрация, рискованность продолжающегося отказа от балласта литературы стали основой редкого художественного таланта, поверившего в себя. В 60-е и 70-е годы почитатели Беккета приветствовали каждое новое произведение, оказывающееся тоньше предыдущего, с тем чувством, которое испытывает математик, решающий сложнейшее уравнение и постепенно приближающийся к заключительному результату: точке небытия. «Входа нет, выхода нет, ищите его там» — из книги «Все странное — прочь». Но тем не менее Беккет всегда находил выход, каким бы запутанным ни казался туннель и каким бы блеклым чи был свет в его конце.

Затем появились поздние работы. В 1980 году вышло произведение «Компания» («COMPANY»), неслыханно «пухлое» по стандартам Беккета — целых 50 страниц. Вещь была написана по-английски — до этого Беккет почти 30 лет предпочитал писать по-французски и только потом переводить на английский язык свои произведения. «Компания» прозвучала по радио Би-Би-Си в исполнении Пэтрика Мэджи и была поставлена на сцене Лондонского национального театра. Такая (относительная!) популярность отчасти объяснялась ностальгией, пронизывающей книгу. Многие считают, что в ней автор описал свое детство.

В 1981 году появилось произведение, которое сначала было опубликовано на французском («MAL UU, MAL ECRIT»), а затем на английском («ILL SEEN ILL SAID») — «Плохо увиденное, плохо сказанное», одно из самых добрых и самых понятных у Беккета. В центре его — портрет старой женщины, прообразом которой, как считают многие, стала мать Беккета. Затем появилось произведение «По направлению к худшему» («WORSTWARD HO») — сложный,

Вышла в свет книга поздней прозы Самуэля Беккета. «ЭС» публикует отрывок из рецензии на нее одного из самых престижных американских литературных изданий «Нью-Йорк ревью оф букс». Публикует с некоторой робостью. Вполне понятной, впрочем, в нашем Отечестве с рецензиями о творчестве Беккета не густо, ибо и о самом творчестве мало кто знает. Но уж лучше увидеть крупного художника XX века в отраженном свете, чем не видеть его вовсе.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

волнующий текст, в котором также важную роль играет далекое прошлое. Эти произведения вместе с последним трудом писателя «Неподвижные колебания» («STIRRINGS STILL») вошли в число самых прекрасных, глубоких и трогательных литературных завещаний века.

Молодой Беккет, живший в 20—30-е годы в Париже, испытывал огромное влияние Джеймса Джойса, у которого работал литературным секретарем. Именно тогда он сказал, что «проза Джойса — не есть рассказ о чем-то, ибо она сама — это «что-то». Это утверждение с успехом можно приложить к трудам самого Беккета. В эссе о Прусте Беккет настаивал, что для современного писателя возможен лишь один путь прогресса — в глубину; написанную позднее трилогию, идею которой он позднее обозначил, как «в осаде комнат», Беккет до конца жизни считал своим главным трудом, хотя в то же время он написал пьесу «В ожидании Годо», принесшую ему всемирный успех.

Мир не сразу признал Беккета, и до сих пор многие считают его трилогию слишком сложной для восприятия. И тем не менее Беккет при всей его внешней не-

броскости — удивительно интересный писатель. Его трилогию можно воспринимать как шедевр, насыщенный чувством юмора. К тому же это просто превосходная проза.

«Этот крик доносился отовсюду — даже песок на тропинке исходил в беззвучном вопле. А еще — тихие ночи (тихие, как могила, — так, кажется, гласит поговорка); для меня они были ночами штормов, когда прибой снова и снова обрушивается на скалы и отступает, грозно ворча. Я лежал и забавлялся, пытаюсь понять, кто я такой. Да, в молодости я получал огромное удовольствие от их так называемого молчания. А больше всего мне нравились совершенно не благородные звуки: лай собак в ночи...»

Именно в этой трилогии Беккет обрел свой уникальный неповторимый голос. Это классический, мелодичный, сбалансированный стиль человека, который признает факт существования хаоса. Его предшественники — великие мастера простоты и звуковой прозы — Свифт, сэр Томас Браун и их английские предтечи XVII—XVIII веков. Джеймс Джойс, еще один неоспоримый мастер английской прозы XX века, — ярко выраженный

католический писатель; его проза насыщена звуками католической литургии, а большинство находок во многом зависит от печатного исполнения; эти тексты — даже удивительно музыкальные «Поминки по Финнегану» — написаны для того, чтобы их увидели на бумаге. Беккет же — несомненный протестант англо-ирландского происхождения, и его труды звучат как горячая проповедь в полупустой церкви.

Возможно, это покажется парадоксальным, но Беккет даже в поздних трудах остается во многом традиционным писателем. Его персонажи (пусть их немного) выписаны ярко и выпукло, а его сюжеты — интересны и нестандартны. Темы просты и универсальны. Он выбирает объектом повествования саму жизнь, ее хаос, ее радости и горести.

Но если содержание произведений Беккета достаточно традиционно, форма выражения — уникальна. Его проза как будто нащупывает дорогу в темноте, постоянно возвращаясь назад, опровергая себя и вновь делая шаг вперед.

Конечно, Беккет — не первый художник, утверждающий через отрицание. Ведь отрицание — не обязательно нигилизм, и утверждение об отсутствии чего-либо служит косвенным доказательством его присутствия в другом месте. (Вспомните, как Кафка сказал Макс Броду, что в мире есть надежда, много надежды — но не для нас). Нет смысла провозглашать Беккета представителем столь не модного ныне гуманизма, но он никогда не был тем ярким антигуманистом, каким его пытаются изобразить комментаторы типа Адорно. Беккет знает, что если мы говорим «вот самое худшее, что может с нами случиться», значит, самое худшее еще не наступило. «Неназванное» завершается словами: «Я не могу идти дальше. Я иду дальше».

Столь же бессмысленно приклеивать Беккету ярлык пессимиста. Его произведения ни пессимистичны, ни оптимистичны; они просто есть, как и все настоящие произведения искусства. Один из друзей Беккета рассказывал, что однажды во время прогулки по Лондону драматург заметил: «Какой сегодня прекрасный день». Да, в такой день приятно жить на белом свете, охотно подхватил приятель, но Беккет покачал головой: «Ну, так далеко в своих рассуждениях я стараюсь не заходить». Тем не менее безымянные герои книг Беккета даже в самые тяжелые минуты не перестают любить жизнь: «О, я знаю, что меня не станет, и все будет, как было до меня, но только внешне, а не внутренне, и это делает меня счастливым... Я плачу от счастья, потому что я иду по этой земле, никогда не жалуясь на нее, хотя, что по ней ходит. Скоро я сольюсь с ней, и сначала я буду целиком, а потом растаю и отправлюсь в путешествие сквозь пласты земли и рано или поздно доберусь до моря».

Джон БЭНВИЛЛ.

Перевела с английского
Елена ТЕЛИНГАТЕР.